

Даниил Дондурей: «Министр культуры — предводитель нищих»

Социолог рассказал о культурной катастрофе в России.

Как советская идеология отомстила рыночной революции и почему в России нет культурной политики, выяснила корреспондент «МН» в беседе с социологом Даниилом Дондуреем.

— Когда мы начинали газетный проект, посвященный задачам Министерства культуры, то рассчитывали на общественное внимание к нему. Однако его не было. Хотя внутри культурного сообщества и фигура нынешнего министра, и кандидатуры будущего активно обсуждаются. Однако интересны только персоналии. Может быть, нет проблемы?

— Нуждаясь в ежедневном допинге сенсаций, мы, не осознавая этого, сидим на игле скандалов, слухов и удовольствий от критики власти. А вы призвали граждан обсуждать заведомую скучищу — функции заштатного ведомства. Интеллигентнейший Александр Авдеев в должности министра культуры запомнится не разбором миллионов тонн административного шлама, а протестом против газпромовской иглы в Петербурге, отпором атаке за госпремию группе «Война» и извинением перед студентами и педагогами ГИТИСа за поспешно назначенного ректора.

— А что нужно сделать конкретно? Все устали от общих разговоров...

— Для начала надо создать общенациональный атлас, наподобие географических, по-настоящему живых учреждений культуры. На местах знают, где есть востребованная студия, полуподвальный театр, галерея или школа современного танца. Вот в Коломне две ученые девушки вдохновили стотысячный город созданием музея пастилы. Нужно перестать разделять учреждения культуры на городские, федеральные, частные... Все должны быть равны перед потенциальным инвестором. Единственный критерий — их жизнеспособность, по мнению авторитетных экспертов.

В первую очередь министерству следует отказаться — и к этой революции никто не готов — от своей вечной функции распределения бюджетных денег.

— А кто же будет это делать?

— Специальные структуры — фонды, агентства, профильные институты. Всюду в Европе действует правило «длинной руки» — чиновники жестко отделены от распределения господдержки. Этим занимается развитая система экспертиз, что ведет к честной конкуренции, не допускает коррупции, позволяет отказывать мэтрам-небожителям, если они проиграли конкурс.

Негосударственные деньги должны объединяться с казенными. Нужно, чтобы им было это выгодно и интересно. Сегодня такое партнерство происходит только по монаршему указанию. А в США художественную жизнь финансируют 25 тыс. благотворительных фондов.

— Вас обвинят в том, что вы хотите передать управление культурой в руки критиков...

— Экспертами могут выступать творцы, продюсеры, социологи, экономические аналитики, независимые от этой сферы творчества деятели искусства, ну и конечно же критики. Все в определенной пропорции и с неперменной ротацией. Это ответственнейшая работа, требующая четких процедур, специальных навыков, огромного опыта, честности и мудрости. Независящая от дружеских обязательств.

Рано или поздно нам всем придется осознать приближающуюся катастрофу — в России исчезает качественная аудитория: зрители, читатели, способные воспринимать произведения, требующие внутренней работы, специального образования, чутья, индивидуального опыта, навыков декодирования символических форм. Количество концертов классической музыки за пятнадцать лет уменьшилось в восемь (!) раз, на

вернисажи приходит почти вся потенциальная публика, и только 37% российских граждан читает «одну и более» книг в год, способность юношей связно пересказывать содержание классических произведений литературы с 1995 года ухудшилась в пять раз, а девушек — в четыре. Уменьшается аудитория кинотеатров — 83 из каждых 100 мест пустовали в минувшем году. В пятнадцатимиллионном мегаполисе не собрать зрителей и на дюжину сеансов, где показывают лауреатов Канна, Венеции, Берлина.

— Вы рассчитываете здесь на Минкульт?

— Политическая власть не может не задумываться, какими будут граждане в ближайшем будущем, каковы их ценности, приоритеты, внутренние запреты, модели поведения. Нобелевский лауреат родом из Нижнего Тагила Константин Новоселов вскоре после награждения признался, что уехал в Манчестер потому, что в России ему не хватало творческой среды.

Речь идет не о 20–30% населения, которые социологи относят к среднему классу, а о помыслах «лучших людей» — тех, кто придумывает, организует, кормит остальных. О поводырях и строителях, обеспечивающих способность нации пребывать в истории, успешно конкурировать с другими. А это всего лишь один-два процента населения!

Кто-то из великих сказал: «Уберите 300 французов — и Франции не будет». Дело, конечно, не в количестве, но не хотелось бы — это опасно для нашего будущего, — чтобы число сложных, сверхтревожных, придумывающих новые формы людей сократилось в нашей стране до трехсот.

— О создании среды говорят многие — от Гельмана до Капкова.

— Здоровая атмосфера — это ведь не только источник развития, но и взаимоподдержка, удовольствие жить «среди своих», сетевое сознание, интеллектуальный комфорт, драйв повседневного существования. Казалось бы, речь идет о пестовании людей, способных читать языки искусства, а на самом деле — о выращивании «второго народа», жителей новой России. Они уже содержат большинство, включая тех, кто не расстался с ценностями советской власти. Будут способны прокормить нас и тогда, когда кончатся высокие цены на энергоносители. Только культура может научить оба российских народа — и консервативный, и жаждущий перемен — жить вместе, понимая при этом, что каждый имеет право на взгляды, отличные от его.

— Чего еще у нас не хватает?

— Многого. Нет масштабного международного сотрудничества — копродукции, а не информационных обменов. Мы даже не начали осознавать себя европейцами. На глазах хиреет восхищавшее некогда мир художественное образование. В руинах массовое воспитание. Мы почти не понимаем языки современного искусства, умеем считывать только простейший миметический слой продуктов массовой культуры по принципу «как в жизни — не так, как в жизни». Авторское кино кажется скучным и депрессивным, актуальные художники — шарлатанами.

За позитивным опытом молодые теперь идут не в учреждения культуры, а в кафе и рестораны. Там друг у друга, а не у художников они узнают, что важно в жизни, как себя вести, но не приобретают способности считывать коды, а значит, и смыслы времени. Его стили, скорости, тайнопись, навыки работы с формой, адекватного мышления. Нельзя даже представить себе на общефедеральном канале неполитизированный разговор, к примеру, о страхах, связанных с потерей близких, о муках творчества или ощущении приближающейся смерти, о том, что делать, если родной ребенок тебя не понимает. Нельзя увидеть — рейтинговая экономика (живущая на успехе «Ментов», «Братанов» и «Воров в законе») это жестко запрещает — трансляцию знаменитой постановки Венской оперы или дискуссию о природе акционизма в contemporary art.

Исходя из нашей сложной поведенческой семиотики, финансовых ресурсов и грандиозной художественной истории, Москву и Питер можно было бы превратить в настоящую Мекку современной европейской культуры. Для этого нужно инициировать эксперименты во всех видах искусства, создать работающий артрынок, отнять у монополистов право на фестивальное менеджмент. Запустить не только круглогодичные фестивальные платформы, но и несметное количество уникальных акций, институтов, просветительских программ.

Стыдно ассоциироваться с мировыми лидерами лишь по величине подросткового суицида, потреблению тяжелых наркотиков, разводам и убийствам на дорогах. Мне кажется, можно создать нечто, схожее с плодотворной атмосферой России начала XX века. Для этого нужно очень серьезно заниматься культурной политикой. К сожалению, наше высшее начальство мечтает создать международный финансовый центр, а вот культурный — нет. Им еще не объяснили, какой из этого можно извлечь патриотический профит. Безусловно,

не меньший, чем из чемпионатов мира, поскольку это не разовый, а потенциально вечный проект.

Многое мы так и не проговорили, а значит, не освоили. Накопили гигантское количество неразрешенных вопросов, на которые до сих пор не даны ответы, настроили неосознанных барьеров. Они даже не маркированы как зоны неизвестности — вот итог работы не столько Минкульта, сколько нынешней системы устройства жизни в целом. Не накачаны одрябшие мыслительные мышцы. Не случайно мы не в состоянии осмыслить события декабря–марта. Сложные контексты не считываем, видеть будущее не умеем. Разучились.

Есть всесловный консенсус: культуру воспринимать либо как досуг, отдых, либо как идеологию, пропаганду, либо как нечто священное, связанное исключительно с великими именами и датами, с тем, что не имеет прямого отношения к настоящему. Храм, музей, кафедра... Но не важнейшая часть жизни. Укоренилась простая и всеми одобряемая схема: культура — это в первую очередь преклонение перед прошлым.

— Но ведь Михалков или наши депутаты во главе с Говорухиным говорят то же самое — о безнравственности, о разрушении культуры.

— За двенадцать постъельцинских лет эти знаменитости не предложили никаких практических решений того, что их так волнует, кроме введения цензуры и обращения к Владимиру Путину с просьбой лично разобраться со всеобщим «оскотиниванием».

Мы так и не получили заказа на серьезное изучение связанных с воспроизводством культуры проблем, технологий, последствий. Не умеем ее рассматривать как невероятно многомерную и живую систему — о каком достоверном диагнозе может идти речь без исследований?

У нас господствует понимание культуры как специфической, но услуги. Успех измеряется сегодня величиной рейтинга и количеством проданных билетов. Принято говорить: «Фильм потрясающий, потому что его бокс-офис — 11 млн долл. в первый уикенд». Культура постепенно переводится на самообеспечение. Это как если бы войска стратегического назначения перешли на хозрасчет. От ракетчиков требовали бы, чтобы они нравились как можно большему числу клиентов.

В телевидении, в авторской и массовой культуре отсутствует доктрина общественного блага. Особой миссии. Некоммерческих обязательств. Уполномоченные органы — Минфин, Минэкономразвития — все сопутствующие этой философии финансовые траты стремятся урезать. Для них культура — это такая же индустрия. На ее нужды направляется в тридцать раз меньше бюджетных денег, чем на оборону, и в пятнадцать раз меньше, чем на полицию. При том, что здесь трудится не меньше граждан. Минкульт — ведомство нищих, а министр — их предводитель, который должен разделить на всех страждущих оставшиеся от других госзатрат деньги. Еще он должен быть авторитетом (чуть ли не в тюремном понимании этого слова), чтобы отстаивать эти небольшие средства. Опровергать тех, кто считает, что за культурные блага нужно платить, как за туризм. Большие бюджетные деньги тратятся только на имперские проекты — реконструкцию знаменитых зданий, поскольку считается, что, как и победы в спорте, именно это возвеличивает страну.

—А куда делись продвинутые зрители?

— Открывшиеся возможности, культ денег и удовольствий, консюмеризм их соблазнили. Перерезав в семи местах советскую цивилизацию, Гайдар снабдил нас собственностью, свободой информации и передвижения, зарубежными паспортами, невиданными раньше услугами, комфортом. Соотечественники мгновенно этим воспользовались, но стали Гайдара же ненавидеть. Он им не объяснил (да и сам этого не понимал), что одновременно людям придется поменять прежние системы представлений, нормы, взгляды, сами объяснения принципов устройства преобразившейся реальности.

Вот и получилось: действительность новая, а модели ее понимания — прежние. В результате — ужасающие мировоззренческие сбои в головах людей. Но противоречия не стали плодотворными, не сделали потенциальных зрителей, слушателей, читателей тоньше и сложнее.

— Человеческая природа консервативна. Если нет сильной мотивации адаптироваться к новой обстановке, человек будет пользоваться привычными схемами. Зачем обновлять свои представления, если в этом не заинтересованы две самые влиятельные силы — власть и народное большинство?

— Мы прекрасно знаем, что повседневные отношения работодателей с наемными работниками, бизнесменов друг с другом, государства с предпринимателями и частными лицами на самом деле строятся не так, как об

этом говорится и пишется. Чудесным образом мы умеем одновременно жить в двойном мире, в разных стандартах, системах поведения. Правильные слова, умные официальные тексты противоречат реальным практикам, где мы вполне успешно действуем «по понятиям». Уже привыкли, нервозности не испытываем, опасности не видим.

— Раз главная ценность — деньги...

— Вы коснулись ключевой драмы российского социума — массового культурного архетипа номер один: рынок и аморализм тотально связаны, зависят и подпитывают друг друга. В нашем национальном подсознании закодировано убеждение, что успех обеспечивается исключительно умением обмануть, отнять. Так — через культуру — советская идеология отомстила рыночной революции, наделила большинство строителей капитализма антирыночными представлениями. Две трети наших граждан считают нынешние отношения несправедливыми, 78% не уважают владельцев частных предприятий, особенно крупных. При этом сложившееся положение вещей никто не связывает со спецификой «рынка по-русски».

Российские «фабрики мысли» даже не пытались противостоять этому, рассказывая телезрителям о том, что мировая цивилизация, выращенная на тысячелетнем совершенствовании рыночных отношений, не построена по лекалам отрицательной селекции. В самых материально успешных странах — высочайшие моральные и культурные приоритеты. В частности, благотворительность там на первом, а не, как в России, на 134-м месте.

— Логика понятна. Но откуда появятся жаждущие саморазвития граждане? Какая культура их взрастит, если и потребности нет?

— Мы этим культурным сбоям не ужаснулись. Слышны лишь красноречивые возгласы православных иерархов про «потерю духовности». Оба «государя» за 12 лет на эти темы не сказали ничего существенного. По их мнению, культура — это доступность услуг, ремонт памятников, деньги музеям или библиотекам и предложение повысить низкие зарплаты работникам бюджетных учреждений. Ни о какой мировоззренческой, ценностной перезагрузке речь не идет. Но драма в том, что так думают все российские элиты. По мнению любых экспертов, важны институциональные и судебные реформы, укрощение монополий, инвестиционный климат, политическая конкуренция. Вот накупим оборудования, добавим денег в образование, накопим их в специальных фондах — и проскочим в будущее.

Но культуру перехитрить, заговорить невозможно. Да и противостоять ей невозможно, если она предписывает двигаться вниз... или вбок. Независимо от того, осознаем мы то или нет, культура программирует все мотивы нашего существования, спрятана в миллиардах часов телеэфира, в поступках, в разговорах, оценках, в контекстах. И в подсознании, конечно.

— Грубо говоря, у нас не будет правильной культуры, пока не упадут мировые цены на нефть?

— Нет. Пока российская элита не найдет в себе силы и побуждение преодолеть концептуальные стереотипы на этот счет. Пока не согласится с тем, что культура сильнее экономики и политического строя. Это именно она разрушила процветающую российскую империю в начале прошлого века и социалистическую — в конце. Именно она тончайшим образом охраняет воспроизводство своих протофеодальных матриц. Но для этого, судя по всему, нужно еще пройти большой путь. И сначала справиться с отторгаемым и замалчиваемым нами интеллектуальным вызовом.

Даниил Дондурей — социолог, культуролог, главный редактор журнала «Искусство кино» (с 1993 года). По образованию искусствовед и социолог, кандидат философских наук, он долгое время занимался исключительно наукой — работал в Институте истории искусств, НИИ культуры РСФСР, в Институте киноискусства Госкино. Написал и опубликовал около двух тысяч статей, многие из которых переведены и изданы за рубежом. Создатель (1994) и руководитель информационно-аналитической фирмы «Дубль-Д».

Публичной фигурой стал в 1986 году, когда организовал XVII Московскую молодежную выставку, впервые легализовавшую неофициальное искусство. Через три года в журнале «Искусство кино» публикует свой первый манифест «Не в деньгах счастье?», убеждая, что спасти национальную кинематографию могут только универсальные законы рынка.

Один из идеологов и член правления Киносоюза, созданного в 2010-м в качестве противовеса Союзу кинематографистов под председательством Никиты Михалкова. С 1992 года — член

коллегии Госкино, а с 2001-го — член коллегии Министерства культуры РФ, с 2006-го по 2011-й — член Совета по культуре и искусству при президенте РФ, а в настоящее время — член Совета по развитию гражданского общества и правам человека при президенте России. Член федеральной конкурсной комиссии по лицензированию телевидения и радио с 2005 года. Участвовал в разработке проекта общественного ТВ.

Автор: Алена Солнцева © Московские новости КУЛЬТУРА, РОССИЯ 👁 6645 12.05.2012, 01:03 📌 442
URL: <https://babr24.com/?ADE=105543> Bytes: 16889 / 16773 Версия для печати

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Алена Солнцева.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)